

„Низкие истины”, „возвышающий обман”, апофатика. Восприятие действительности в романе *Подросток*

В романе *Подросток* мы видим действительность глазами главного героя. Частые замечания героя о своих чувствах и ощущениях других являются проявлением его внутреннего состояния, а сложность самого действия – его внутреннего беспорядка. Как уже отмечалось исследователями, герой видит происходящее через эмоциональное увеличительное стекло¹, его повествовательный тон характеризуется напряженностью, восторженностью и горячностью². Однако совпадение функции героя и повествователя является неполным, так как мы имеем дело с двумя разновидностями этого „я”. Аркадий говорит: „Конечно, между мной теперешним и мной тогдашним – бесконечная разница” (9, 273³). Значит, в романе происходит изменение духовного состояния героя. Герой причину своей перемены или, как он называет ее – перевоспитания, видит в самом процессе записывания⁴, однако тщательный анализ поведения героя, а еще в большей степени – его способа восприятия действительности, позволяет сказать, что изменение его ума началось уже в разгар петербургских событий, предшествующих „катастрофе”.

I. Состояние ума Аркадия Долгорукого

Состояние ума повествователя наиболее пластически выразилось в двух идеях, определяющих его поведение и отношение к другим.

Во-первых, это идея „стать Ротшильдом”. Цель этой идеи не деньги как таковые, а – свобода. „Свобода! Я начертал наконец это великое слово (...).

¹ Э. Эггеберг, *Герой и повествователь в романе Достоевского „Подросток”*, „Dostoevsky Studies” 1988, т. 9, с. 137–142.

² И.Д. Якубович, *К характеристике стилизации в „Подростке”*, *Достоевский. Материалы и исследования* 1978, т. 3, с. 136–137.

³ Роман *Подросток* приводится по изданию: Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 9, 10, Москва 1982. В следующих цитатах в скобках обозначен номер тома и страницы.

⁴ „Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания” (т. 10, с. 273). В следующих цитатах в скобках обозначен номер тома и страницы.

Да, уединенное сознание силы – обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен” (9, 303). Свобода для героя равняется уединению и силе, т.е. власти над другими. Аркадий говорит: „Меня тянуло в этот неизвестный океан еще и потому, что я прямо мог войти в него властелином и господином даже чужих судеб, да еще чьих!” (9, 231). Властелином чужих судеб делает Аркадия „важнейший документ”, письмо Ахмаковой Андроникову, которое зашито в его боковом кармане. Для того, чтобы стать Ротшильдом, достаточно обладать двумя качествами:

(...) упорством и непрерывностью: Кроме ста рублей у меня, как уже известно, мужество, упорство, непрерывность, полнейшее уединение и тайна. Уединение главное: я ужасно не любил до самой последней минуты никаких сношений и ассоциаций с людьми; говоря вообще, начать „идею” я непременно положил один, это *sine qua* (9, 296).

Путь осуществления своей идеи герой сравнивает с путем аскета – схимника: „Тут тот же монастырь, те же подвиги схимничества” (9, 294–295).

Сравнение „схимничества” Аркадия со схимничеством, как понимает его христианство, позволяет лучше понять состояние ума героя. Во-первых, христианские аскеты не удалялись в пустыню с целью уединиться, порвать контакты с окружающим их миром, а для того, чтобы эти отношения поднять на более высокий уровень⁵. Пустыня (необязательно в пространственном смысле) – это не пустое место, а место, насыщенное злыми духами, с которыми должен был бороться также Христос. Во-вторых, для борьбы с дьяволом нужны не только упорство и непрерывность, как полагает Аркадий, но и умение распознавать страстные мысли, помыслы (*logismoi*). А умение различать помыслы (бдительность, сердечное внимание, трезвость)⁶ – это искусство, недоступное для начинающего⁷. В-третьих, целью пустытника было достичь бесстрастного состояния ума, не соприкасающегося ни с одной чувственной вещью. Такое состояние и называлось истинной свободой. Сравнивая свободу в понимании Аркадия со свободой в смысле христианском, можно сказать, что здесь мы имеем дело с двумя противоположными понятиями. Если в случае христианского аскета речь идет о преображении ума, кенозисе и обожении, то суть идеи Аркадия „стать Ротшильдом” заключается в полном осуществлении своей воли, в доведении ее до предела. Если Христос пошел в пустыню, чтобы отбросить соблазны, то Аркадий идет в пустыню с намерением эти соблазны принять⁸.

⁵ J. Chryssavgis, *W sercu pustyni. Duchowość ojców i matek pustyni*, przeł. M. Chojnacki, Kraków 2007, с. 31–33.

⁶ Об этом: В. Лосский, *Очерк мистического богословия Восточной Церкви*, часть X (Путь соединения): <http://www.vehi.net/vlossky/index.html>.

⁷ T. Śpidlik, *Duchowość chrześcijańskiego Wschodu*, przeł. L. Rodziewicz, Kraków 2005, с. 314.

⁸ На грешную основу идеи „стать Ротшильдом” указывает уже ее источник, так как она зародилась в голове героя в период его самого интенсивного мечтательства: „Я и до нее [т.е. до возникновения идеи] жил в мечтах, жил с самого детства в мечтательном царстве известного оттенка”

Вторую идею, которой одержим главный герой, можно назвать идеей „познать Версилова”. Аркадий пишет:

Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека. Свой силы я тайл от него, но мне надо было или признать его, или оттолкнуть его от себя вовсе. А последнее было для меня слишком тяжело. Сделаю наконец полное признание: этот человек был мне дорог (9, 233).

Приведенные слова свидетельствуют о том, что в идее „познать Версилова” совмещаются два противоположных чувства: с одной стороны это – желание познать правду, а с другой – это страх перед этой правдой.

Таким образом, состояние ума героя-повествователя в начале романа можно определить как грешное, страстное: его доминантой становится страх перед правдой, перед действительностью, а целью его дороги – подвиг антихристианства. Как мы сможем убедиться, поведение Аркадия и его восприятие действительности вполне соответствуют состоянию его ума. Парафразируя св. Максима Исповедника, можно сказать: то, что ум героя-повествователя мысленно производит в мире мыслей, его тело производит делом в мире вещей⁹.

II. Восприятие действительности у героя-повествователя

Искаженное восприятие действительности у Аркадия лучше всего проявляется в его восприятии Версилова, которое в главной части романа, вплоть до эпилога, является неполным, односторонним.

Повествователь, описывая поведение Версилова, прибегает к таким метафорам как „складка” и „пьедестал”. В коммуникации с Версильовым у героя всегда возникает ощущение, что тот от него скрывает свое настоящее лицо. Так например: „Он говорил с грустью, и все-таки я не знал, искренно или нет. Была в нем всегда какая-то складка, которую он ни за что не хотел оставить” (10, 16). После смерти Макара Долгорукого, в течение, казалось бы, задушевной беседы с Версильовым, Аркадий опять замечает именно эту черту на его лице: „И вот, помню, в лице его вдруг мелькнула его обычная складка – как бы грусти и насмешки вместе, столь мне знакомая” (10, 273). И далее: „Я слушал действительно с болезненным недоумением; сильно выступала прежняя версильовская складка, которую я не желал бы встретить в тот вечер, после таких же сказанных слов” (10, 274).

(9, 229). Мечтательство в христианской антропологии считается противоположностью духовной трезвости, необходимого условия правильного различения и суждения. Мечтатель – это противоположность исихаста; K. Leśniewski, „*Nie potrzebują lekarza zdrowi...*”. *Hezjchastyczna metoda uzdrawiania człowieka*, Lublin 2006, s. 79.

⁹ См. 53 изречение его *Третьей сотницы о любви*: http://krotov.info/acts/07/2/isp_de_amor.html#3s.

С одной стороны, „складка” – это проявление амбивалентного отношения человека к другому в конкретной ситуации¹⁰. В этом она сходна с лазейкой Бахтина. Лазейка, т.е. „оставление за собой возможности изменить последний, окончательный смысл слова”¹¹, как тень сопровождает слово и отражается на его структуре. „Складка”, т.е. амбивалентность, неискренность в отношении к другому, оставляет след на человеке – на его мимике, жестах, тоне речи и т.п. Но как лазейка может быть не только однократным проявлением отношения человека к конкретному собеседнику, а может становиться постоянным, неотъемлемым элементом слова человека о самом себе и о мире, так и „складка” может относиться не только к гносеологическому или морально-этическому уровню, но касаться онтологического уровня человеческой личности, свидетельствовать о ее внутренней, душевной раздвоенности. Именно так надо понимать „складку” Версилова, т.е. не как проявление его временного психического состояния или двойственного, неискреннего отношения к конкретному собеседнику, но как выражение его онтологической ущербности, духовной раздвоенности¹². Подтверждение этому – расколотье Версильовым иконы Макара в присутствии женщин и сына. Этим жестом Версильов выразил свою расколотость/раздвоенность на нескольких уровнях. На уровне сюжета жест Версильова можно прочесть как ответ на ожидания женщин (Версильов не женится на Софьи) и как попытку „преодолеть фальшь своих отношений с Макаром Ивановичем”¹³, избавиться от его присутствия. На уровне, который можно назвать культурно-историческим, жест героя можно, вслед за В. Кантором, прочесть как указание на невозможность единства образованного общества и народа¹⁴, а на теологическом уровне этим жестом герой, несмотря на то, что был, по словам повествователя, „к образам, в смысле их значения, очевидно равнодушен” (9, 314), входит в контакт со святым образом¹⁵. Вместо того, чтобы зажечь лампадку перед иконой, что указывало бы на возможность его

¹⁰ Признаком такой двойственности в отношении к самому Достоевскому „складка” является в следующем фрагменте письма автора к жене (от 6 февраля 1875 года), в котором он описывает встречу с Майковым и Страховым после того, как он опять начал сотрудничать с «Отечественными записками» Некрасова: „Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидел я, что сильно со складкой. Вышел и Страхов. Об моем романе ни слова и видимо не желая меня огорчать”; Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений в 15-и томах*, т. 15 (Письма), СПб 1996, с. 508.

¹¹ М.М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 6, Москва 2002, с. 259.

¹² Примерно так же понимает „складку” Версильова Г.В. Степанова в статье *Образ ‘человека со складкой’ у Достоевского, Достоевский. Материалы и исследования* 1987, т. 7, с. 201.

¹³ В. Кантор, *Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы (Роман „Подросток”)*, „Вопросы литературы” 2008, № 6, с. 134.

¹⁴ Там же, с. 136.

¹⁵ Н. Бердяев сказал о профанации: “Sacrilige always presupposes some sort of believe in sanctity, otherwise it loses all its meaning; one cannot commit sacrilege against an ordinary piece of matter (...). The man who commits sacrilege not only makes a mockery of what others deem holy, he himself enters into a special relationship with the sacred objects he mocks”; N. Berdyaev, *The Russian Revolution*, London 1931, с. 47; См. также: <http://evans-experientialism.freewebspace.com/berdyaev.htm> .

внутренней, онтологической перемены и искупления¹⁶, Версилов, оскверняя образ, как бы отрицает эту возможность¹⁷.

Ошибка Аркадия в восприятии Версилова состоит в том, что „складку” герой воспринимает именно как временное состояние Версилова, как контролируемый и сознательный жест маскировки своего подлинного „я”, а не как признак онтологической, духовной ущербности отца. Личность Версилова повествователь воспринимает как нечто целостное и монологическое (хотя и таинственное), а все, что могло бы помешать такому восприятию образа отца, он пропускает мимо глаз. Вот как он отзываясь о поступке Версилова, отказавшегося от выигранного им наследства князей Сокольских:

Но, услышав теперь о подвиге Версилова, я пришел в восторг искренний, полный, с раскаянием и стыдом осуждая мой цинизм и мое равнодушие к добродетели, и мигом, возвысив Версилова над собою бесконечно, я чуть не обнял Васина. – Каков человек! Каков человек! Кто бы это сделал! – восклицал я в упоении” (9, 403).

Васин, сомневавшийся в прямоте поступка Версилова, заявляет, что его следует назвать не „подвигом”, а скорее „пьедесталом”, на что Аркадий отвечает:

Да если тут и пьедестал, то и тогда лучше, (...) пьедестал хоть и пьедестал, но сам по себе он очень ценная вещь. Этот пьедестал ведь все тот же „идеал”, и вряд ли лучше, что в иной теперешней душе его нет; хоть с маленьким даже уродством, да пусть он есть! (9, 403–404).

Пьедестал – это „идеал с уродством”, не совсем прямоте поступок, характерный для „человека со складкой”. Повествователь, как явствует из приведенных слов, склонен сосредоточиваться на „идеале”, игнорируя его „уродство”, которое в отличии от него хорошо сознают его мать и сестра. Когда, уже после смерти Макара, женщины ждут Версилова и развязки „вечной истории”, Аркадий думает:

Вечная история! Какая вечная история? – с вызовом подумал я, и вот мне вдруг захотелось непременно рассказать им хоть часть вчерашних моих впечатлений от его ночной исповеди, да и самую исповедь. „Они что-то о нем теперь думают дурное – так пусть же узнают все!” (10, 297).

После беседы в трактире Аркадий уверен, что узнал „всю правду” о своем отце:

¹⁶ S. Ollivier, *Icons in Dostoevsky's works* [w:] *Dostoevsky and the Christian Tradition*, G. Pattison, D.O. Thompson (ред.), Cambridge 2008, с. 67.

¹⁷ Трудно согласиться с Е. Кургановым, что Версилов, „раскалывая икону, (...) уничтожает, »снимает» раскол в себе”. См. Е. Курганов, *Ритуальный подтекст эпизода с иконой в романе „Подросток”* [в:] Е. Курганов, Роман Ф.М. Достоевского *Идиот*. Опыт прочтения, СПб 2001, с. 168.

О том, что Версилов этом жестом не „снял” внутренней расколотеи, раздвоенности, свидетельствуют также его поведение и поступки, описанные в эпилоге. См. об этом дальше.

Главное, я наконец постиг этого человека, и даже мне было отчасти жаль и как бы досадно, что все это оказалось так просто: этого человека я всегда ставил в сердце моем на чрезвычайную высоту, в облака, и непременно одевал его судьбу во что-то таинственное, так что естественно до сих пор желал, чтобы ларчик открывался (10, 292–293).

Действительно, ларчик просто открывался, не надо было искать особого секрета, как постичь Версилова, дело, однако, в том, что повествователь не хотел видеть всей правды этого человека, потому что боялся ее. Говоря словами Пушкина (*Герой*, 1830), которые в романе приводит Васин в качестве образца восприятия действительности, повествователь сосредоточивался на „возвышающем обмане”, игнорируя при этом „тьмы низких истин” (9, 404). Подтверждением этого являются слова „перевоспитанного” Аркадия – автора записок: „То-то и есть, что тогда сияло совсем другое, и я так много пропускал мимо глаз легкомысленно: спешил пропускать, гнал все мрачное и обращался к сияющему” (10, 37).

Если Версилова герой воспринимал в свете „возвышающего обмана”, то в восприятии других героев и самой действительности он скорее всего сосредоточивался на „тьме низких истин”. В качестве примера такого восприятия действительности можно привести восприятие героем солнечных лучей. Злоба, охватывающая героя, когда он наблюдает за поведением солнечных лучей, связана с предсказуемостью происходящего, с образом солнца как части „механической” Вселенной, где, как говорит Аркадий в кружке Дергачева, рано или поздно „Земля обратится (...) в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней” (9, 270)¹⁸. В перспективе „низкой истины” солнце для Аркадия является прообразом смерти, „символом окончательной гибели”¹⁹.

Другим примером такой перцепции является восприятие Васина. Аркадий посещает квартиру Васина в его отсутствие и опосредованно, через критику его комнаты, критически высказывается о его характере. Также в этом случае перцепция героя в какой-то мере связана с научной теорией, а именно – с популярной в первой половине 19 века теорией врача и анатома Ф.Й. Галля – френологией²⁰. Как френолог видел связь между строением черепа человека и его психическими и моральными свойствами, так и Аркадий на основе вида комнаты Васина делает вывод о „низкой правде” его моральных и интеллектуальных качеств:

¹⁸ Эта мысль Аркадия связана с теорией «тепловой смерти», возникшей во второй половине 19 века в связи с открытиями П. Клаузиуса и У. Томсона в области термодинамики. См. об этом подробнее: Т. Касаткина, *Два образа солнца в романе Ф.М. Достоевского „Подросток”* [в:] Т. Касаткина, *О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа „реализма в высшем смысле”*, Москва 2004, с. 438–439.

¹⁹ Там же, с. 444.

²⁰ Френология и краниология в романе упоминаются в связи с личностью Крафта, которой на основе этих теорий познал „низкую правду”, а именно – что в качестве русского не стоит жить, и, соответственно, покончил жизнь самоубийством.

Прежде всего мне стала ужасно не нравиться комната Васина. „Покажи мне свою комнату, и я узнаю твой характер” – право, можно бы так сказать. (...) Книжки, бумаги, чернилица – все было в самом отвратительном порядке, идеал которого совпадает с мировоззрением хозяйки-немки и ее горничной. (...) Наверно, этот Васин чрезвычайно вежлив с посетителем, но, наверно, каждый жест его говорит посетителю: „Вот я посижу с тобой часика полтора, а потом, когда ты уйдешь, займусь уже делом” (9, 358).

Восприятие личности Васина представляет собой не только хороший пример перцепции действительности в свете „низких истин”, но является также демонстрацией отношения к действительности человека, охваченного идеей „стать Ротшильдом”. Пространство, в котором живет человек, можно рассматривать как своего рода продолжение, недвижимую часть его личности. В этом смысле Аркадий, заочно оценивая и критикуя Васина на основе его комнаты, ставит самого себя в позицию наблюдателя, соглядатая. Соглядатайство (и визуальное восприятие вообще), наряду с подслушиванием, т.е. слуховым восприятием, является односторонним действием, оно построено на отчуждении субъекта и объекта. В сравнении с тактильной коммуникацией, психофизическую основу которой составляет взаимообратимость ощущений осязающего и осязаемого в акте соприкосновения, подсматривание и подслушивание предполагают удаленность созерцаемого и слышимого объекта, что создает возможность „его психологической эксплуатации, своего рода перцептивного насилия”²¹.

В зону „отчуждающего пользования” попадает не только Васин. Аркадий подслушивает разговор между Олей и Стебельковым, между Ахмаковой и Татьяной Павловной, подслушивает и подсматривает беседу между Ахмаковой и Версиловым. Эти поступки свидетельствуют о духовном состоянии героя, они идеально вписываются в проект „стать Ротшильдом”, стать властелином чужих судеб. Дело, однако, в том, что Аркадий как бы интуитивно чувствует, что соглядатайство в своей основе неэтично. О подслушивании Ахмаковой и Татьяны Павловны он скажет:

О, конечно, честный и благородный человек должен был встать, даже и теперь, выйти и громко сказать: „Я здесь, подождите!” – и, несмотря на смешное положение свое, пройти мимо; но я не встал и не вышел; не посмел, подлейшим образом струсил (9, 371).

На основе выше приведенных слов можно заключить, что перцептивная (и не только) власть над другим человеком в каком-то смысле связана с трусостью. И, напротив, на то, чтобы отказаться от власти над судьбами других людей, надо отважиться/осмелиться. Этика, которую в контексте романа *Подросток* следует понимать как борьбу с помыслами, с искушениями, требует смелости.

²¹ М. Эпштейн, *Философия тела* [в:] М.Н. Эпштейн, *Философия тела*, Г.А. Тульчинский, *Тело свободы*, СПб 2006, с. 24–25.

III. Изменение ума героя и, следственно, его восприятия действительности

Смелости отказаться от власти над другим человеком и от извращенного восприятия действительности повествователь учится не сознательно и намеренно, не путем аскезы и „умного делания”, а посредством жизненного опыта²².

Как бы Аркадий не старался избавиться от Ламберта, выступающего в роли дьявола²³, он становится все более и более от него психически зависимым, им овладевают страстные мысли, он воображает себя женихом Ахмаковой, готов пойти даже на шантаж. Наконец он напивается пьяным, засыпает, а Ламберт крадет у него „важнейший документ”. Состояние опьянения – это отражение на физическом уровне крайнего духовного хаоса героя²⁴. Изменение ума у героя происходит нечаянно, как бы даже вопреки его желаниям. Первый толчок в этом направлении – это встреча с Макаром, а другое событие, существенно изменившее состояние его ума, происходит в каморке, куда героя затащили „для вытрезвления” (sic!). На Макаре лежит дело просвящения Аркадия, именно он посредством рассказывания анекдотов прививает героя к новой жизни. А в опыте „трезвения” в каморке можно видеть эквивалент „очищения” как части аскетического пути схимника, „вхождения в самого себя”, отвлечения от всех образов и фантазий. Об этом опыте герой говорит:

Это была одна из тех минут, которые, может быть, случаются и у каждого, но приходит лишь раз какой-нибудь в жизни. В такую минуту решают судьбу свою, определяют воззрение и говорят себе раз на всю жизнь: „Вот где правда и вот куда идти, чтоб достать ее”. Да, те мгновения были светом души моей (10, 357).

Метанойя влечет за собой изменение отношения к жизни вообще. Аркадий решает, что „несмотря на все искушение” не обнаружит документа, после чего он „перекрестился с любовью, лег на нары и заснул ясным, детским сном” (10, 357). У него также резко изменяется восприятие действительности. Если до встречи с Макаром он в солнце видит только безжизненный шар механической вселенной, то после встречи со странником он воспринимает его совсем по-другому:

²² См. слова Достоевского о том, что его юный герой „ищет руководящую нить поведения (...) чутьем, и в этом цель романа”. Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений*, т. 16, Ленинград 1972, с. 51.

²³ Ламберт появляется уже раньше в творческих замыслах Достоевского. В „Житии великого грешника”, где ему предназначена была роль школьного друга великого грешника, он являлся олицетворением чувственности, аморальности и флиртности. Такую же роль играет он и в „Подростке”. См. Ф.М. Достоевский, *ПСС*, т. 9, с. 135.

²⁴ Со схожей ситуацией мы имеем дело в «Преступлении и наказании», где с первых страниц романа грех непрерывно ассоциируется с пьянством, особенно в случае главных героев – Раскольникова и Свидригайлова. См. об этом подробнее: Т.А. Касаткина, *Воскрешение Лазаря: опыт эзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского „Преступление и наказание”*, „Вопросы литературы” 2003, № 1, с. 176–208.

Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы взвырала и как бы новый свет проник в мое сердце. Помню эту сладкую минуту и не хочу забыть (10, 169).

Аркадий после того, как выслушал слова Макара о том, что все здесь „тайна Божия” (10, 164), не только иначе воспринимает луч солнца, но и открывает себя, свое сердце этой тайне. В этой сцене лучи солнца являются эквивалентом Божией милости, нетварных энергии, позволяющих человеку сокровенным образом приобщаться Божеству. Измененное отношение и восприятие Аркадием солнца и творения Божьего вообще как чего-то таинственного и непостижимого по своему существу, осуществляется уже не через призму его фантазий, в свете „тьмы низких истин” или, наоборот, „возвышающего обмана”. Его новое восприятие действительности можно условно назвать апофатическим²⁵.

Аркадий не вступил в мистический „мрак неведения”²⁶, но он все-таки на свой способ – интуитивно, „чутьем”, как выразился Достоевский – начинает осознавать, что мир обоснован в мысли и воле Божией, что познание мира есть раскрытие этого символизма, что каждое определение, тем более если оно – плод фантазий, частично и не касается сущности вещей а, напротив, ограничивает ее. Наиболее яркий пример такого нового, измененного восприятия действительности мы встречаем в эпилоге.

Это, во-первых, восприятие Верилова. Если раньше повествователь, увидев слезы отца, скорее всего вознес бы его на пьедестал, видел бы в этом жесте признак его моральных качеств, то теперь он высказывается о нем совершенно иначе: „Он даже получил »дар слезный«, как выразился незабвенный Макар Иванович в своей повести о купце; впрочем, мне кажется, что Верилов проживет долго (10, 368). Последняя часть предложения привносит в это замечание оттенок иронии, что свидетельствует о расширении перцептивного горизонта повествователя. Не всякие слезы свидетельствуют о произошедшей в человеке перемене ума. Слезы у человека могут являться реакцией на зло и грех на психическом, а вовсе не духовном уровне. Кажется, именно с таким примером мы имеем дело в случае Верилова. Аркадий объясняет: „Весь ум его и весь нравственный склад остались при нем, хотя все, что было в нем идеального, еще сильнее выступило вперед” (10, 268).

²⁵ Условно потому, что здесь речь идет не о пути богопознания, о чем говорили например Григорий Нисский, а вслед за ним Ареопагит, а о познании и восприятии действительности, т.е. чего-то созданного, тварного. Об апофатике в широком смысле, как о принципе мироутверждения, в связи с героями Достоевского говорит также К.Г. Исупов в статье *Введение в метафизику Достоевского (Статья первая)*, *Достоевский. Материалы и исследования* 2007, т. 18, с. 58–59.

²⁶ Об апофатике см.: Г.В. Флоровский, *Corpus Areopagiticum* [в:] Дионисий Ареопагит, *О небесной иерархии*, СПб 1997, с. IX–XXXII.

Во-вторых, это коренное изменение повествовательного способа. Аркадий отказывается от собственного голоса, становится передатчиком слов Николая Семеновича. С одной стороны, этот прием мотивирован чисто технически – Достоевский искал способ ответить на жесточайшие критики первых частей романа, хотел высказаться по поводу современного ему русского романа²⁷. Сначала он хотел высказаться от себя, потом о современном романе должен был высказаться Версиров в одном из своих монологов, а наконец автор решил ввести нового повествователя, находящегося как бы вне изображенной действительности, обладающей вневременностью по отношению к описываемым событиям, позволяющей ему высказаться более объективно. Более того, в этом приеме можно, как это делает Т. Касаткина, увидеть словесную икону, где Николай Семенович выступает в роли Евангелиста Иоанна и передает Аркадию, выступающему в роли ученика Прохора, слова, воспринимаемые им от Бога (автора)²⁸. Но в этом жесте Аркадия – отказе от собственного слова о действительности – можно видеть также признак произошедшей в нем метаноии. Герой-повествователь, который воспринимал действительность через призму своих фантазий и страхов, чьей основной целью была свобода, понимаемая как власть над другими, теперь отказывается от собственной воли и слова, и подчиняется чужой воле, чужому суждению. Этим он как бы признает, что действительность как таковая – непостижимая и ею невозможно обладать. Герой примыкает к своего рода познавательному смирению.

Его новое, апофатическое восприятие действительности, приобретенное с помощью странника Макара и принудительного „очищения” души в камерке, свидетельствует о том, что он обрел свободу – свободу не „ротшильдовскую”, а „совсем иную”: он не уединяется, а остается в миру, но уже без притязаний на абсолютное познание и власть над другими и над действительностью.

Streszczenie

„Przyziemne prawdy”, „podniosłe kłamstwo”, apofatyka. Odbicie rzeczywistości w powieści „Młodzik”

Autorka artykułu usiłuje dowieść, że percepcja rzeczywistości u bohatera narratora powieści *Młodzik* zależy od jego stanu duchowego. Zachowaniem Arkadiusza Dołgorukiego kierują dwie namiętne idee – idea „stać się Rotschildem” oraz idea „poznać Wersilowa”, jego stan duchowy na początku powieści można uznać za grzeszny (żądza władzy nad „innym”, lęk przed prawdą). Bohater narrator postrzega rzeczywistość na dwa skrajne sposoby, które najlepiej określa wiersz Puszkina, przytoczony w powieści przez Wasina: „Precz z mrokiem niskich prawd! Wybieram/Kłamstwo, co wznosi nas, choć ludzi”. W świetle „wzniesłego

²⁷ Ф.М. Достоевский, ПСС, т. 16, с. 409–410.

²⁸ Т.А. Касаткина, *Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского* [в:] *Достоевский в конце XX века*, К. Степанян (сост.), Москва 1996, с. 133.

kłamstwa” bohater percypuje zachowanie i czyny swego ojca Wersilowa, w świetle zaś „mroku niskich prawd” – innych bohaterów oraz otaczający go świat. Z biegiem wydarzeń narrator zmienia się, doświadcza przemiany duchowej (*metanoia*), w związku z czym zmienia się także jego percepcja rzeczywistości. Postrzeganie świata i stosunek do rzeczywistości przemienionego duchowo bohatera narratora (*Epilog*) można umownie nazwać apofatyicznym.

Nota o autorze

Уршка Забуковец закончила философский факультет Университета в Любляне по специальности русский язык и литература, литературная компаративистика. Аспирант Института России и Восточной Европы Ягеллонского Университета, готовится к защите кандидатской диссертации по теме „Невербальная коммуникация в романах Ф.М. Достоевского”. С русского на словенский язык перевела несколько текстов Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана.